

Кристоф Циммерман

До Сибири. Воспоминания о русской кампании и плене 1812-1814гг.

Отрывок из издания: Zimmermann Ch.C. Bis nach Sibirien. Erinnerungen aus dem Feldzuge nach Russland und aus der Gefangenschaft 1812-1814. Hannover. 1863. S. 26-38.

Первая публикация: // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов и материалов. Уфа. 2012. С. 363-372.

Кристоф К. Циммерман (1791-1863), уроженец Ганновера, солдат 9-го французского легкоконного полка. Взят в плен казаками в середине августа. В ноябре 1812 г. прибыл в Бузулук Оренбургской губернии, освобожден в марте 1814.

Оглавление

Период интернирования	2
Счастливое возвращение	8

© 2012 Перевод, подготовка публикации Хомченко С.Н., к.и.н., Бородино.

© 2015 Web-публикация - военно-исторический проект "Адъютант!" (<http://adjutant.ru>)

Период интернирования

Губернский город Оренбург и окружающие его села на границе Киргизии были определены нашим пунктом назначения, хотя я не знаю, почему было признано необходимым тащить нас в такую даль. Волга служила хорошим препятствием сама по себе. Когда мы узнали, что граница теперь будет охраняться казацкими кордонами, мы еще не боялись опасной близости разбойничьих племен киргизов.

Когда 14 ноября мы достигли маленького городка Бузулук, русская зима вдруг ударила со всей силой. За одну ночь выпало столько снега, что дальнейшее продвижение стало невозможным, и таким образом этот город и его окрестности должны были принять нас. Между тем мы удалились от этой границы всего на 5-8 дневных переходов и поэтому постоянно были в беспокойном ожидании быть поднятыми в новый поход, пока мы не были радостно удивлены возвращением нашего погонщика, так как это показывало, что на зиму мы останемся здесь.

Тогда я впервые ощутил благодатное воздействие покоя и большей свободы, так как только мое собственное желание и зимние холода удерживали меня на низкой лавке в дымной крестьянской избе. На меня навалилась такая усталость, что я почти все время спал. Наконец я впал в состояние телесного и духовного дурмана, из которого развился сильный тиф, симптомами которого были головные боли, особенно сильные в затылке, перешедшие вскоре в горячку. От этой ужасной болезни погибли многие мои товарищи по несчастью. Часто их домохозяева, особенно в деревнях вокруг Бузулука, не дожидались их смерти, а ночью выносили умирающих во двор, таким образом избавляясь от нежеланных гостей. Утром их находили окоченевшими и убирали трупы; о расследовании никто и не думал. За то, что меня не постигла такая судьба, я должен, благодарить, наверное, мою добродетель, которая могла настроить моих хозяев на сострадательный лад. В то время как я, оставленный без какой-либо помощи лежал там без сознания, не знаю сколько времени, меня время от времени будили и сострадательная женщина освежала меня глотком воды или молока. Ее я и сегодня вспоминаю с горячей благодарностью. Здесь также проявилась благосклонная забота Господа обо мне, которая меня часто защищала и продлила мои дни.

Однажды утром в душную комнату вошел чужой господин, богато одетый. После короткого разговора с домохозяином и его женой он подошел к моей лежанке и спросил меня на немецком, француз я или немец. Если я скажу здесь, что этого обращения и звуков столь дорогого родного языка было достаточно, чтобы вновь пробудить меня от смертного сна, я действительно не преувеличу.

Мы ведь обнимались с бродячими евреями, потому что они говорили по-немецки, и когда бы нам ни встречался такой человек, будь он бедным или богатым, нарядным или в лохмотьях, он должен был быть принят также. И вот, на одре болезни, перед лицом смерти – для меня это было как ангел, посланный с небес, чувство, которое можно только ощутить, но не описать.

Еще и сейчас я ярко представляю себе почтенное его лицо, как он стоял: седую голову освещает слабый свет из маленького оконца. Когда я ему ответил, он спросил о моем состоянии, подошел и прощупал мой пульс – таким образом, это был врач. «Вы больны - сказал он, – но не теряйте мужества. Я сейчас же пришлю вам лекарство, принимайте его регулярно. Я скажу вашим хозяевам, чтобы они лучше с вами обращались, так что мужайтесь!»

Потом он поговорил с моими хозяевами и ушел, а через четверть часа пришел русский юноша, помощник доктора, принес и дал мне лекарство. Сколько времени он поставлял мне лекарство, я не знаю, но что мне действительно запомнилось, что в моих фантазиях этот врач появлялся как спасительный ангел и я и сегодня еще чувствую благодарность, искренность которой подтверждается этими фантазиями.

Я болел десять недель. Все это время меня снабжали супом и сытной едой с кухни врача. Около Пасхи я наконец смог проделать путь до его дома, чтобы выразить благодарность, которая переполняла мое сердце. Якоб Габриель Штобойс (Stobaus) - имя моего покровителя. Он был урожденный пруссак. Получив в награду за долгую службу в армии дворянский чин, он женился на вдове помещика, у которой были села с крестьянами. В то время ему было шестьдесят, он вышел в отставку и стал губернским врачом для инвалидов. Его жена, красивая и любезная женщина, внушала каждому, кто с ней соприкасался, уважение своим импозантным видом и благородным, я бы сказал княжеским поведением.

Две их дочери, Александрина и Элизабет, пятнадцати и тринадцати с половиной лет, были интересными и очень любезными девочками. Тогда они находились в соседнем селе, Александрове, в пансионе, который содержал французский эмигрант. Они редко приезжали к родителям, уже прилично разговаривали по-французски, и охотно танцевали вальс под мою флейту, на которой я играл с большим умением. Младший ребенок был Якоб, годовалый малыш. Вся семья сделала мне исключительно много хорошего. Не менее дружелюбным был Илья, помощник доктора, его жена и двое детей.

Власть зимы 1812-1813 годов, вошедшей в историю своими холодами, наконец была сломлена теплыми лучами весеннего солнца, и мои товарищи по несчастью тут и там стали выбираться на свет Божий. До этого каждый из них провел свою первую зиму в своем темном холодном жилище, во сне, в дурмане, или точнее сказать, влача жалкое существование, чего и следовало ожидать после такого напряжения. Это была длинная, длинная ночь в наших молодых жизнях, от которой мы только что пробудились. Старый амбар на отшибе, деревянные стены которого приятно нагревались столь нужными нам сейчас солнечными лучами, стал местом, где мы собирались. Все расспрашивали друга о своих товарищах, но никто ничего не знал о судьбе других. Те, кто не появились, были потеряны навсегда и надежно укрыты в лоне чужой земли!

Русские праздновали Пасху в свое удовольствие, а мы грелись в полуденные часы у нашего амбара под мягким майским солнцем, обсуждая то, что мы пережили. Мы еще были под надзором, но больше не охранялись и могли свободно передвигаться, так как о побеге в здравом уме нечего было и думать. Мы были в 400 верстах от Петербурга и Москвы, и если бы даже кто нашел в той глуши убежище, чтобы в нем укрыться, то должен был бы умереть от голода в долгом пути. Несмотря на это, еще во время похода двоим моим товарищам удалось ускользнуть. В 1823 году, когда я уже устроился и женился, меня посетил мой прежний вахмистр. Он рассказал мне, как однажды ночью они с еще одним вахмистром Р. все устроили. Я еще четко припомнил утро после их побега, о котором нам не объявили, но за который мы были наказаны вдвое ужесточившимся обращением. Лично я получил тычок в туловище, который лишил меня чувств. Они долго блуждали, наконец были задержаны крестьянами и, на их счастье, были переданы регулярным войскам. Они выдали себя за дезертиров, которые движутся в Петербург, чтобы вступить в Немецкий легион. Они были посланы туда, приняты и участвовали в походе 1813-1814 гг., а затем были отпущены в Германию.

Наконец до нас дошли первые вести о судьбе великой армии, о ее ужасном возвращении из Москвы. Мы приняли известия с недоверием. То что Наполеон победно вступил в Москву, не подлежало сомнению, но то, что его армия была уничтожена, представлялось нам невероятным. Когда мы больше не могли в этом сомневаться, новая надежда поселилась в наших сердцах. Будет заключен мир, мы

вернемся домой, так мы надеялись. Но короткое лето пролетело, и приближалась вторая зима.

В это время от властей поступило предложение: нас хотели направить на создание новой колонии и обещали нам свободную землю, дом, лошадей и коров. В то же время каждый пленный получал пару ботинок, рубашку, штаны и сюртук. Поставки хлеба больше никогда не задерживались и не сокращались. Еще одной причиной этому могло послужить то, что комендант города Бузулук, который объединял в своих руках высшую судебную и исполнительную власть, был немец. Его звали Петр Иванович Ренгсдорф (Rengsdorff), родился он в России. Дворяне из окрестных мест своим обращением с нами также подавали хороший пример простолюдинам. Они даже договорились между собой некоторых из нас поочередно принимать как гостей в своих имениях. Дважды и мне выпало счастье воспользоваться этим преимуществом, чему я скорее всего обязан рекомендации моего спасителя, доктора Штобойса, также моем знанию французского, на котором говорит все тамошнее дворянство, и моей игре на флейте и гитаре. Жилось нам в такие моменты действительно хорошо: утром и вечером нам давали чай и в обед отличную еду.

Обычно же нам приходилось разделять образ жизни наших хозяев, русских крепостных, которые владели жалкую жизнь. Их стол стоял из щей с кислой капустой, и соленых огурцов с хлебом. Единственным добавлением являлись большие рыбы, которых там ловили в изобилии. К тому же эти крестьяне рабски преклоняются перед благородными людьми и готовы сгибаться до земли перед любым хорошо одетым человеком. Не смотря на это, они не лишены некоторого добродушия.

Государственные крестьяне меньше подвержены произволу, они более стойкие, лучше и чище живут в управляемых государством деревнях. Также, когда не постанутся, они разнообразят свой стол молоком и рыбой.

В то время продукты там были очень дешевы. Фунт лучшей говядины стоил 12-16 пфеннигов, фунт хлеба 8 пфеннигов. Вообще эта часть русской империи у подножья Урала очень плодородна. Огурцы и дыни хорошо родились на полях, а пашни приносили богатейшие урожаи. Поля только кое-как распахивались деревянными сохами и засеивались зерном, которое невероятно быстро прорастало и созревало. Но, несмотря на это, здесь не знали и не выращивали овощей, картошки или фруктов. Капуста и огурцы выращиваются повсеместно и на весь год сохраняются в больших бочках, чтобы 365 дней в году быть на столе.

Квашеная капуста помещается в большом железном горшке с водой в печь, в которой находится весь день и варится без соли, жира или мяса. Уже на столе ее солят и разбавляют некоторым количеством молока или сливок. Но и этого не делается во время постов, которые русские соблюдают строго как иудеи. Это не очень вкусная и сытная еда, но в то время я часто стремился утолить ею сильный голод и она была мне больше по вкусу, чем лучший суп сегодня.

Их напиток, квас – это вид перебродившего кислого пива, безвкусный напиток, с которым они однако обходятся очень экономно. Они нарезают в него соленые огурцы и едят получившееся блюдо ложками. Лучшим средством пропитания был хороший хлеб, в большинстве своем пшеничный.

В праздничные дни пшеничное тесто начиняли рыбой или капустой, также створоженным молоком, а если уж совсем был пир горой, то и мясом, и так выпекали. Они называли это «пирог». Зажиточные люди угощались вместе с ними еще и молочными блюдами.

В выборе жилья они тоже были ограничены; каменных домов нигде не было видно, только срубовые одноэтажные избы с дощатой крышей. Круглые, неотесанные бревна клали друг на друга, нижнюю сторону выдалбливали так, что она подходила к закруглению нижнего бревна, щели затыкались мхом. Вход обычно делался таким низким, что войти можно было только согнувшись. Окнами служили маленькие квадратные отверстия в фут шириной, стекло заменял лошадиный пузырь. В сильные морозы это отверстие, которое служило также единственным выходом для дыма и пара, закрывалось ставнями.

Жилое помещение такого дома, в котором и была-то одна комната, являлось и спальней, и кухней, а зимой и хлевом. Большую часть помещения занимала огромная печь, сделанная из глины, в которой варили и пекли еду. С утра она так раскалялась, что потом в течение всего дня согревала дом. На печи и на полатах, вровень с ней укрепленных на стенах спала вся семья, стар и млад, все вперемешку. На полаты они клали кусок войлока и укрывались тулупами, в которых ходили днем.

Остальное домашнее убранство было таким же простым. Лавки из грубого необструганного дерева у стен и вокруг печи. Внизу загон для кур, овец и поросят, который задвигался сдвижными дверцами. Середину комнаты занимал грубый стол, который покоился на четырех вкопанных в землю ножках. В комнате содержались даже телята, а зимой здесь каждое утро доили коров, так как снаружи молоко могло замерзнуть в кадке.

Худшее неудобство в таком жилище составлял ужасный дым, который заполнял его при нагреве колоссальной печи, лишенной дымовой трубы и угарный чад, проникавший через все щели после того, как печь задвигали. Обычно это длилось до середины дня и на все это время я должен был подниматься со своего ложа, низкой лавки у пола. Нам, пленным, собственно, не разрешалось подниматься в верхнюю часть комнаты, нам отводили угол на или перед крайними лавками, и оттуда мы не должны были высовываться. Вследствие этого угольного чада женщины, которые все утро хлопотали в помещении, страдали головными болями.

То, что помещение кишело всякого рода вредными насекомыми, не стоит и упоминать: множество тараканов днем и ночью бегали по скатерти и стенам, и раздражали (будили) нас, падая на нас. Того, что я рассказал о своем месте пребывания, достаточно, чтобы показать, что мы влачили жалкое, почти скотское существование.

Единственное радостное явление в таком жилье нельзя обойти стороной: это их иконы. Во всех домах на стене в углу напротив печи прикреплен шкафчик с полками, на которых расставлены эти картины, часто в богатых золотых окладах. Перед ними горит маленькая свечка. Каждый входящий сначала поворачивается к этим иконам и крестится перед ними с многими поклонами. Только после этого он приветствует присутствующих и получает ответные приветствия. Эта процедура также происходит перед каждым приемом пищи, вообще каждый раз, когда они едят или пьют. Также у них существует религиозный обычай перед каждым приемом пищи омыwać руки, для какой цели в каждом доме и находится прикрепленный к стене горшок с водой, рядом с которым рваное полотенце, но пользоваться которым нам не разрешалось.

Я не считаю грехом подчиняться этим обычаям. Это было единственным средством показать им, что ты не язычник, веришь в Бога, в чем они сомневались по поводу большинства моих товарищей, которые вели себя не слишком умно. С тех пор, как я приспособился к их обычаям, меня никогда не обижали, не издевались надо мной, и не мучили, чему другие подвергались тут и там. Мне никогда не отказывали в деревянной чашке для питья или в ложке, как это часто случалось с

моими товарищами. Если же им предоставляли эти предметы, то помечали и сами больше никогда не использовали. Это говорит о многом, так как кроме большого железного горшка для щей, часто в хозяйстве было только несколько деревянных мисок и ложек. Я смог войти в лучшие отношения со своими хозяевами еще и потому, что приложил старания, чтобы изучить их язык, что вскоре удалось мне до такой степени, что я смог с ними свободно объясняться. Так что при некоторых ситуациях, когда создавалось непонимание, я служил в качестве переводчика. Так я заработал определенный авторитет, который позволял мне самому разговаривать в угрожающем тоне и не встречать возражений. Самые плохие отношения с русскими были у французов. Еще и сегодня я ярко представляю себе лейтенанта Арнафаута (Arnafaut) из 21 французского линейного полка. Был один из частых там пожаров, и мы стояли рядом с толпой русских. Я побежал, чтобы спасти еще что-нибудь из горящего дома, тогда он в страхе крикнул мне: «*Por l'amour de Dieu, mon cher Zimmerman, ne me laissez pas seul avec ces bestiaux!*»¹ Тем не менее французы обладали некоторой ловкостью, с помощью которой они обеспечивали себе различные удобства и выгоды. У вышеупомянутого лейтенанта Арнафаута я обучился искусству плести колечки (Ringe) из конского волоса. Конский волос мы красили в горячей воде, куда клали куски воротников и обшивки с нашей формы, в зеленый, желтый и красный цвет. Потом он искусно сплетался в кольца с именами или девизами, которые мы продавали или дарили. Некоторые экземпляры таких колечек хранятся у меня до сих пор.

Лейтенант Малетар (Malhetar) из моего полка, из-за плохого командования которого мы и попали в плен, страдал одно время нервной лихорадкой, и мне приходилось за ним постоянно ухаживать. Я не мог от него отойти, а если бы я ушел, он бы точно умер от страха. Терпеливее всего были испанцы и португальцы, но здешний климат был для них непереносим, и из тех, что были рядом со мной, ни один не вернулся домой.

Я тоже снова свалился с сильным жаром, и если бы не неусыпное попечение лейтенанта Шнупхазе (Schnuphase) из 2-го гусарского полка, я бы точно был похоронен заживо – приготовленный для этого деревянный гроб я потом видел сам. Мертвых там хоронили сразу, так как малость жилищ не позволяла долго держать тело в доме. Моя болезнь ужасно усилилась и в итоге привела к какому-то виду столбняка. Шнупхазе напрасно искал доктора Штобойса, он был в долгом отъезде. Но в последний момент он по счастливой случайности возвратился, спросил насчет меня, узнал, что завтра утром я «отбуду» и вместе со Шнупхазе поторопился ко мне, считавшемуся мертвым. Шнупхазе потом часто мне рассказывал, как старик сразу же обложил мне грудь, шею и бедра пластырем с испанскими мушками, как часто и прилежно проверял, не возымело ли лекарство действие, и оставил меня не раньше, чем увидел, что добился успеха – еще раз победило несломленное молодое здоровье. Но после этой болезни у меня выпали все волосы на голове, даже брови и только летом 1814 года появилась новая курчавая поросль.

Таким чудесным образом доктор Штобойс во второй раз стал моим спасителем. Я живо представляю себе почтенное лицо старого человека. О, если б я мог еще раз высказать свою горячую благодарность этому действительно благородному человеку! Он уже тогда был стариком, и наверное, давно умер. Я писал ему отсюда и просил ответа, но он не пришел. Пусть же дети его будут щедро награждены его добродетелями!

Когда я упоминаю здесь моего врача, не могу не заметить, что тогда я редко слышал в той местности о врачах. Так же редки там были и болезни. В высшей

¹ Ради Бога, мой дорогой Циммерман, не связывайтесь с этими скотами!

степени простой и стабильный образ жизни крестьян мог быть причиной тому, что они были очень здоровыми, наверное, этому помогал и обычай исключительно часто посещать любимую им парную баню. Даже в самых бедных дворах были предназначенные для нее постройки. Каждую субботу все жильцы ходили в баню, и при любом легком недомогании обращались к ней же. Для поддержания чистоты я также часто посещал ее. Я даже заметил в отдыхе там особое удовольствие, но все-таки я ни разу не отважился, как это делали русские, броситься из кипящего жара парной в ледяной снег.

Вот и снова начались длинные ночи. Темными вечерами снова в душной избе горела сосновая лучина и ее едкий дым вынуждал меня уже рано вечером укладываться на свою низкую лавку, потому что на большой высоте у меня горели глаза и прерывалось дыхание. Это были ужасные ночи и каждое утро приносило все тоже жалкое существование.

Я даже не пробую описать наше душевное состояние. В наших сердцах царили тоска по милой родине и в этом удручающем окружении мы телесно и духовно увядали. И вот наконец в нашей глуши раздался ликующий крик: «Мир! Вы вернетесь домой!»

Напрасным трудом было бы пытаться описать радость, которая переполняла тогда наши сердца. Также как нельзя задержать прекрасную золотую молодость или вернуть ее назад, нельзя на седьмом десятке вновь оживить чувства, которые грозили тогда разорвать наши сердца. Словно пойманная птица, что долго и напрасно билась о прутья клетки, вдруг расправляет крылья и вылетает из нее, когда открывается дверца – так мы себя представляли. «Мир!» – вот было наше благословение, наше освобождение из ужасного положения, в котором наши тела и души грозили разрушиться. Больше всего нам хотелось сразу сняться и уйти отсюда.

К началу 1814 года радостная весть проникла к нам сквозь ледяные холода. Земля еще лежала под 4-5 футовым снежным покровом, но мы согрелись в лучах надежды для новой весенней радости. Тысячи наших братьев лежали в чужой земле, ожидая великого зова Господа, когда он поведет их на вечную родину. Но мы, малая часть из всех, мы должны были возвратиться из холодной чужбины на нашу земную родину и увидеть любимых, по которым с такой горячей страстью тосковали.

Прошли еще месяцы, пока из Петербурга пришел приказ о нашей обратной высылке. Он гласил: прежде чем все вы сможете возвратиться домой, должен растаять снег и лед. И как ни горячо было желание вернуться на родину в наших сердцах – его было недостаточно, чтобы растопить снег. Терпение! – говорили нам – Разве это не достаточная милость нашего императора, что он вообще собирается отпустить вас? Зачем вы пришли в нашу мирную страну, чтобы сжигать наши города и убивать наших сыновей? Нужно было оставаться дома, на вашей хваленой родине! Ах, некультурные русские правда не понимали этого – они, которые без сомнения идут на смерть за Бога, царя и отечество, как мы, умные немцы, 30-миллионный народ, дали подчинить себя горстке французов, как наши князья и народы могли стать зависимыми от единственного честолюбца, как сыны Германии сами вместе с французами двинулись помогать ему покорять другие народы. О позор! Проклятие немецкой раздробленности! Пусть это горькое время послужит хорошим уроком на будущее! Но все же наше тяжелое положение вызывало у них сострадание, растроганно смотрели они на нашу радость и вместе с нами радовались скорому избавлению.

Счастлиное возвращение

Наконец наступил желанный момент, когда все приготовления к нашему отбытию были закончены. Из отдаленных деревень пленные доставлялись в Бузулук, где я жил с офицерами. Из Оренбурга прибыли два офицера, которые получили у тамошних помещиков приют как гости. Город Бугуруслан на Малой Кинели был назначен как пункт сбора пленных со всей округи. Из одежды на обратный путь мы снабжались пальто из толстого, грубого русского солдатского сукна, двумя парами рубашек и парой ботинок, в которых мы очень нуждались.

Помещик из здешних мест Иван Гаврилович Штаннов (Stannow), владелец 7 деревень и 10000 крепостных, стал начальником транспорта. Ему были приданы только два солдата и унтер-офицер, так как для нашего возвращения конвой не требовался. Перед нашим отправлением к нам еще раз обратился комендант ф. Ренгсдорф, который повторил нам сделанные ранее предложения и стал красноречиво расписывать преимущества колонистов в России. Но снова никто не вызвался воспользоваться этой возможностью.

Наконец был определен день начала похода. 29 марта 1814 г. утром на площади собралось некоторое количество крестьян на санях запряженных одной лошадей. Это были легкие повозки, предназначенные для того, чтобы вести только двух человек, отлично приспособленные, чтобы скользить по снегу, который стал плотным, будто утрамбованный и покрылся коркой наста. За час до выхода я получил приказ ехать с русским унтер-офицером из инвалидов как квартирмейстеру. Лучший дом в месте, где мы останавливались на ночлег, должен быть зарезервирован для Штаннова и русских офицеров, так гласил приказ, а остальной состав должен быть распределен по оставшимся домам, и к прибытию каравана квартиры должны быть готовы. За это назначение я снова должен был благодарить моего спасителя и благодетеля доктора Штобойса, который ввел меня в семью своего деревенского друга Штаннова и горячо рекомендовал меня на этот пост. Еще раньше я со своей флейтой и гитарой был желанным гостем в их доме и получил от дам знаки их благодетельного участия. Вообще грация и добродушие были украшением женщины в тамошних благородных кругах. Пусть мысли о боли, которую они смягчили, будут им также благоприятны, как мне дороги незабываемые воспоминания об их добросердечности! Растроганный, покидал я их и часто оглядывался на место моего изгнания, скрашенного их благодеяниями, пока быстро спускающиеся сани не лишили меня этого зрелища.

После многодневного похода мы дошли до Бугуруслана, где долго ожидали, пока соберутся все пленные. На этом пути мы прошли через множество сел, населенных киргизами. Они обосновались на русской территории, но не стали крепостными у помещиков. Следствием этого стало большое различие между их поселениями и русскими. Поля были размежеваны, улицы – хорошо проложены, дома большие и чистые, построенные и разделенные почти как у нас. Вокруг большого двора, в который входят через высокие, широкие ворота симметрично выстроились постройки, а внутри была пестрая, оживленная толпа женщин и детей, которые были достаточно чисто одеты. Киргиз, у которого я останавливался, имел трех жен, но, как они подтвердили, ревности или сор между ними не было. То же говорили и русские. Они угощали нас блюдами из конского молока, которые нам не особенно пришлись по вкусу.

За это время в Бугуруслане собрались остальные пленные со всей губернии. Из 9-10 тысяч человек, которые вышли из Смоленска, осталось 99. Среди возвращающихся был сумасшедший. Несчастный отморозил мозги. Лучше бы ему остаться в русской могиле, чем возвратиться к ближним.

В июне мы добрались до Бугульмы, маленького городка, где-то в 5000 жителей, в котором находился госпиталь для ссыльных. Поскольку многие заболевания имели место, мы провели там некоторое время, ведь наш начальник был порядочный человек и относился к нам по-человечески. Здесь я видел множество людей с вырванными ноздрями, про которых мне сказали, что это помилованные ссыльные из Сибири, которым разрешили остановиться здесь.

Я также еще не оправился от моей предыдущей болезни, особенно в походе я страдал от сильного кашля с кровью. Без помощи врачей я пришел к мысли пить теплое козье молоко. Примерно за 10 пфеннигов в день хозяева предоставили мне молоко от своей козы, и это лекарство в сочетании с благотворным покоем вскоре снова поставило меня на ноги. К сожалению, нам пришлось оставить это место раньше, чем предполагалось.

Весеннее солнце полностью растопило снег и высушило крыши домов, крытых еловыми досками. Тогда среди ночи вдруг возник пожар, который со скоростью ветра перекинулся с одного конца города до другого, в то время как никто не мог ничего сделать для спасения домов, кроме как послать голосящих, завывающих и причитающих женщин с иконами на улицы и к горящим домам, словно думали, что это возымеет какое-то действие на огонь. Мы растормошили остальных и выскочили на улицу, а потом созвали всех на место сбора. По собственному желанию никто не отваживался идти на помощь, но после короткого совещания с органами власти, когда нас на это уполномочили, мы стали разрушать дома на границе пылающего моря горящих руин. При царящем там методе строительства это было не так уж сложно. Смелчаки скоро уже были вверху на крышах, доски было слетали вниз, за ними следовали срубовые стены. Скоро пламя было остановлено, и оставшаяся часть гостеприимного города была спасена. Жители удивлялись и восхищались готовности спорых работников помогать им. Громкими возгласами благодарили они нас и с добрыми пожеланиями проводили, когда мы быстро подготовились к походу и снялись с места.